

**ЗНАКОВАЯ ТЕОРИЯ НА СТРАНИЦАХ
«ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ»**

Одна из фундаментальных проблем современной лингвистики – проблема языкового знака (знаков). Этой проблеме посвящена огромная литература. Важное место занимает знаковая теория в «Лингвистическом энциклопедическом словаре». Какой же вид она имеет?

Начнём с определения языкового знака, предлагаемого А.А. Уфимцевой: языковой знак, – говорит она, – это «материально-идеальное образование (двусторонняя *единица языка*), репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности; в своей совокупности З.я. образуют особого рода знаковую систему – *язык*. З.я. представляет единство определ. мыслит. содержания (*означаемого*) и цепочки фонематически расчленённых звуков (*означающего*). Две стороны З.я., будучи поставлены в отношение постоянной опосредованной сознанием связи, составляют устойчивое единство, к-рое посредством чувственно воспринимаемой формы знака, т.е. его материального носителя, репрезентирует социально приданное ему значение; только в единстве и взаимосвязи двух сторон З.я. сознанием «схватывается», а знаком обозначается и выражается определ. «кусочек действительности», «вычлененные факты и события» [ЛЭС: 167].

Это определение знака следует признать правильным. Приведённому определению соответствует только слово (и эквивалентный ему фразеологизм). Слово и должно быть признано

подлинным и единственным знаком языка. Однако А. А. Уфимцева – по неизвестной причине – не делает этот вывод. Она полагает, что существует 5 типов знаков языка: фонема, морфема, слово, словосочетание и предложение [см.: ЛЭС: 167 и 606].

«З.я., – пишет она далее, – могут быть расклассифицированы по след. признакам : 1) *по принципу (способу) знакообразования*: а) знаки первичного означивания, собственно семиологич. способа знакообразования (лексич. морфемы, полнзначные и служебные слова); б) знаки вторичного означивания...[все дискурсивные (речевые) знаки – высказывания].

2) *По законченности / незаконченности процесса порождения законченных высказываний* З.я. могут быть полными (предложения – высказывания) и неполными (слова, словосочетания).

3) *По соотнесённости / несоотнесённости с актом речи* З.я. (слова, предложения) могут носить виртуальный (потенциальный) и актуальный характер. Напр., у словесных знаков имеется 3 ступени актуализации их семантики: а) слово-лексема, семантически нерасчленённый виртуальный знак (напр., «дом»); б) *сочетание слов* (словосочетание) как относительно семантически расчленённый знак (напр., «старый дом», «отчий дом» и т.д.); в) *словоупотребление* – абсолютно актуализированный словесный знак в составе высказывания (напр., «Этот дом продаётся дёшево»).

4) *По совокупности основных признаков* (по категориальному значению, по выполняемым в речи функциям, по сфере преим. использования) словесные знаки разграничиваются на семиологич. классы: а) *характеризующие* – полнзначные слова; б) *идентифицирующие* – имена собственные; в) *квантитативные* – числительные; г) *дейктические*...– слова субъективного, объективного и внутрисконструктурного указания (личные, указат. и пр. и пр. местоимения); д) *связочные* (реляционные) – предлоги, союзы и

т.п.; е) *заместительные* слова – неопредел., вопросит., отрицают. и др. местоимения.

Особую семиологич. область занимают полные З.я. – дискурсивные, разнообразные по структуре и выражаемому ими смыслу, обозначающие не только ситуации, но и события, факты, являющиеся «предметами мысли» [ЛЭС: 167].

Таково содержание статьи «Знак языковой» в «Лингвистическом энциклопедическом словаре». Нужно сразу сказать, что изложенная теория языковых знаков не выдерживает критики.

А.А. Уфимцева называет фонему «односторонней незнаковой единицей плана выражения» языка. Но её не следует называть единицей. При описании разных фактов языка, претендующих на статус знака (единицы), следует, на наш взгляд, использовать термины *элемент*, *единица* и *комбинация единиц* [Фоменко 1979; Фоменко 1990: 24-43]. Фонема имеет статус элемента. Она характеризуется признаками субстанциональности, дискретности, линейности, неоднородности, иерархичности, воспроизводимости и цельности, но не характеризуется признаками двусторонности, номинативности и самостоятельности. Она не имеет постоянного содержания, являясь мельчайшим элементом плана выражения языка, языковой субстанции (материи). Лишённая признака двусторонности, фонема, естественно, не выполняет номинативную функцию, не служит средством наименования предмета. Из этого вытекает, что она, наконец, не обладает признаком самостоятельности, т.е. никогда не выступает в естественной речи сама по себе, в своём собственном качестве. Фонема – это кратчайший, далее линейно неделимый *элемент* языковой материи, используемый для складывания и различения звуковых оболочек морфем и слов, т.е. выполняющий конститутивную и дифференциальную функции.

В.А. Виноградов называет фонему «осн. незначимой единицей языка...» [ЛЭС: 552]. «Незначимой» – это правильно. «Единицей» –

неточно: лучше называть её элементом. Почему «основной» – непонятно: разве есть «неосновные незначимые единицы»?

Термин Л. Ельмслева *фигура* по отношению к фонеме семантически гораздо менее уместен, нежели термин *элемент*: в структуре значений этого многозначного слова есть подходящая семема «составная часть какого-либо целого», тогда как в слове *фигура* такой семемы (семы) нет.

Лексические морфемы А.А. Уфимцева поставила в один ряд с полнозначными и служебными словами и отнесла к знакам языка. «Одной из основных единиц языка», «минимальным знаком» [ЛЭС: 312] называют морфему В. А. Виноградов, С. А. Крылов и А. К. Поливанова. Однако морфемы, обладая признаками субстанциональности, дискретности, линейности, неоднородности, иерархичности, воспроизводимости, цельности и двусторонности, не обладают такими обязательными признаками единицы (знака), как номинативность и самостоятельность, и знаками языка именоваться не должны. Морфема не обозначает отдельный предмет (класс однородных предметов) и не выражает понятие. Морфемы лишь «указывают на некоторую значимую или понятийную область» [Солнцев 1977: 117]. Сказанное относится не только к служебным, но и к корневым морфемам.

Если бы мы согласились с тем, что морфемы выражают понятия, то нам пришлось бы сделать вывод, что слово, состоящее из нескольких морфем (например: уч-и-тель-ниц-а), выражает сразу несколько понятий, что не подтверждается фактами.

Если слово связано с мышлением непосредственно, то морфема – опосредованно, только через слово. Значения морфем в акте речи обычно не выступают на уровне осознания, а «носят как бы рефлекторный характер» [Панфилов 1971: 9]. Говорящий выражает свои мысли не с помощью морфем, а с помощью слов.

Не выполняя номинативную функцию, морфема – вследствие этого – не обладает признаком самостоятельности, т.е. не допускает изолированное употребление и всегда используется не сама по себе, а как компонент слова, что отражено в самом её определении («Морфема – значимая часть слова»). Речь (высказывание) строится не из морфем, а из слов. Изолированное рассмотрение морфемы «есть уже продукт известной мыслительной деятельности, известного абстрагирования» [Левковская 1962: 81; см. также: Резников 1958: 54; Смирницкий 1956: 21].

Морфемы играют в языке роль сырого материала, используемого для расширения инвентаря единиц (знаков) языка – слов. С функциональной точки зрения они близки к фонемам [см.: Климов 1967: 30]. И фонемы, и морфемы обслуживают не внешние, а внутренние потребности языка.

Не является единицей (знаком) языка синтаксическое словосочетание, поскольку оно лишено таких признаков единицы, как дискретность, воспроизводимость, цельность, номинативность и иерархичность.

Дискретность свойственна фонемам, морфемам и словам (*да, вода, чистая вода*), но не свойственна словосочетаниям. Компоненты всех словосочетаний одновременно входят (могут входить) в другие словосочетания. Например, фразу *Пейте чистую воду* членят на словосочетания *пейте воду* и *чистую воду*, так что слово *воду* оказывается компонентом двух разных словосочетаний. Пересекаемость словосочетаний – не исключение, а правило. Единицам (знакам) языка – это не свойственно.

Если между компонентами фразеологического словосочетания имеет место жёсткая, принудительная, обязательная, предсказуемая связь (*положить зубы на полку*), то члены синтаксического словосочетания находятся в отношениях свободного выбора. Например, при глаголе *положить* могут появиться слова *книгу/*

тетрадь/ листок/ ручку/ карандаш и т.п., *на полку /на стол/ на подоконник/ в стол/ в портфель* и т.д. Появление или непоявление того или иного слова при глаголе *положить* обусловлено не правилами языка, а волей говорящего, его коммуникативными намерениями.

С содержательной и формальной разделительностью словосочетания связана непредсказуемость его второго (последующего) компонента: если во фразеологических словосочетаниях предсказуемость второго компонента равна 100% (*притча + во языцех*) или приближается к этой цифре, то в синтаксических словосочетаниях предсказуемость равна 0% (*вижу + 1,2,3...n*) или приближается к этой цифре [см.: Медникова 1967: 95 и др.].

Если мы примем гипотезу о том, что словосочетание является знаком языка, то мы должны будем приписать ему признак воспроизводимости, т.е. утверждать, что разнообразные комбинации слов, появляющиеся в речи (*интересоваться математикой, близкий друг Пушкина, ночами напролет готовиться к экзаменам, мечтать согреться остатками спитого чая из жестяной кружки с помятым боком* и т.д. до бесконечности), заранее даны в языке, что человек усваивает и хранит в своей памяти не слова, а их разнообразные комбинации. Но эта гипотеза не находит эмпирического (и логического) подтверждения. Непосредственный речевой опыт каждого говорящего, данные нейрофизиологии и экспериментальной психологии показывают, что язык записан в сознании человека как некоторая совокупность слов. Именно слово используется говорящим как единица наименования и как строительный материал для предложения [см.: Жинкин 1972: 15; Солнцев 1977: 184; Рус. яз.: Энци. 1979: 302]. Что касается словосочетания, то оно не записано в языке, а возникает в речи, в процессе порождения высказывания, т.е. не обладает признаком воспроизводимости [см.: Смирницкий 1954: 22; Медникова 1974: 73; Дмитриева 1963: 78].

Если бы мы приписали словосочетанию статус единицы языка, то в состав языка «оказалось бы включённым вообще всё то, что высказано и высказывается» [Смирницкий 1956: 15].

Единица любого множества (в том числе и языка) характеризуется признаком цельности (неделимости): она не допускает разложения на части без потери данного качества. Например, разложение на части слова как номинативной единицы языка (*пере-нос*) приводит к потере признака номинативности, разложение на части морфемы как значимого элемента языка (*у-ч-*) приводит к утрате признака двусторонности. Словосочетание признаком цельности не обладает, не является цельной, неразложимой единицей. Напротив, оно представляет собой некоторую совокупность совершенно самостоятельных единиц (например, *вчера закончил очередную книгу*), обладающих собственным фонетическим, семантическим, морфологическим и синтаксическим качеством. Один из авторов ЛЭС – В.М. Солнцев пишет: «Комбинации уровневых единиц – комбинации фонем (фоном) в слогах, образование производных и сложных основ из морфем (морфов), словосочетаний из слов (! – Ю.Ф.) и др. – не обнаруживают нового качества, но сохраняют правила уровневой сочетаемости, присущие исходным единицам» [ЛЭС: 539]. Иначе говоря, как не образует новую единицу по отношению к фонеме сочетание фонем, по отношению к морфеме – сочетание морфем, по отношению к монопредикативному предложению – полипредикативное предложение, так не образует новую единицу по отношению к слову группа, сочетание слов (ср.: *дом – новый дом, наш новый дом, наш уютный новый дом*).

Если фразеологическое словосочетание (сращение и единство) выражает одно понятие (имеет одно значение), то синтаксическое словосочетание – несколько, а именно столько, сколько в нём полнозначных слов. Иначе говоря, синтаксическое словосочетание, в

отличие от слова и фразеологизма, не имеет логического (и – соответственно – предметного) коррелята [см.: Рус. яз.: Энци. 1979: 385]. Каждый компонент словосочетания (т.е. каждое слово) имеет самостоятельное лексическое значение и обозначает отдельную реалию, т.е. выполняет номинативную функцию. Это становится особенно очевидным при сравнении омонимических синтаксического и фразеологического словосочетаний. Напр.: *закинул + удочку – закинул удочку*. Если фразеологизм *закинул удочку* имеет одно значение и обозначает одну реалию, то в свободном словосочетании *закинул + удочку* мы имеем дело с двумя значениями, которые отражают две реалии (действие и предмет). Фразеологическое словосочетание – одна номинативная единица, синтаксическое – две (или несколько). Цельность номинации [Ахманова 1966: 503] ему свойственна.

Если мы припишем синтаксическому словосочетанию признаки воспроизводимости и номинативности, то отождествим его с фразеологическим словосочетанием, т.е. придём к абсурдному выводу, что свободных словосочетаний не существует вообще!

Э. Бенвенист [Бенвенист 1974: 129–140] сформулировал принятый всеми учёными принцип иерархии уровней языка, согласно которому единица высшего уровня строится из единиц ближайшего низшего уровня. Если признать словосочетание особой, самостоятельной единицей языка, образующей ближайший к предложению уровень, то придётся утверждать, что предложение (высказывание) строится из словосочетаний (и только словосочетаний). Однако далеко не все высказывания можно представить как комбинацию словосочетаний. Здесь достаточно вспомнить однословные и нечленимые предложения типа *Светает* и *Ура!* Следовательно, словосочетание не имеет признака иерархичности.

Точка зрения, согласно которой синтаксическое словосочетание является особым, самостоятельным знаком языка, противоречит пониманию слова как номинативной единицы знака, служащей строительным материалом для предложения, теории уровней языка, теории валентности, учению о членах предложения и т.д., т.е. не вписывается в широкий контекст современного языкознания.

Синтаксическое словосочетание – это не факт языка, а явление речи. В языке ему соответствует валентность вступивших в сочетание слов.

Конкретное словосочетание дано нам на уровне живого созерцания, а валентность – на уровне абстрактного мышления.

Валентность так относится к словосочетанию, как язык к речи, сущность к явлению, общее к частному, абстрактное к конкретному, возможность к действительности. Словосочетание – это речевая реализация категориальной и индивидуальной (грамматической и лексической) валентности слов. Словосочетание – это минимальный контекст слова.

Разные авторы ЛЭС характеризуют словосочетание по-разному: В.М. Солнцев называет словосочетание «единицей речи» [ЛЭС: 149], А.А. Уфимцева – «неполным знаком» [ЛЭС: 167], а Л.Е. Лопатина – «синтаксической конструкций, образуемой соединением двух или более знаменательных слов на основе подчинительной грамматической связи...» [ЛЭС: 469].

Парадокс: А.А. Уфимцева относит к знакам синтаксические (свободные) словосочетания, но не относит фразеологические!

Наконец, не являются знаками языка предложения (высказывания). Обладая признаками субстанциональности, дискретности, линейности, неоднородности, иерархичности, цельности, двусторонности и самостоятельности, они не обладают признаками воспроизводимости и номинативности.

Высказывания (например, «А счастье было так возможно, так близко», «Дай, Джим, на счастье лапу мне», «Море смеялось»,

«Сегодня – 11 сентября 2008 года» и т.д.) не существуют в языке, не извлекаются из памяти как цельные, готовые образования (единицы, знаки), а возникают в речи, строятся говорящим с целью оформления и передачи той или иной конкретной мысли. «Предложение, – говорит В.М. Солнцев, – это язык в действии и в то же время конечный результат применения языка» [Солнцев 1977: 212].

Не обладая признаком воспроизводимости, высказывание не обладает и признаком номинативности. Номинативную функцию выполняют слова и фразеологизмы, но не фразы. Фразы являются не названиями предметов (нет предмета «Дай, Джим, на счастье лапу мне»), а обозначениями ситуаций, событий. Логический коррелят слова – понятие, логический коррелят фразы – суждение. Слово имеет значение, принадлежащее языку, а фраза – смысл, возникающий в речи и находящийся за пределами языка.

Из сказанного следует, что фразы не являются знаками языка. «В языках типа индоевропейских, – пишет Н.А. Слюсарева, – где слово обладает независимостью существования,... именно оно может рассматриваться в качестве знака» [Слюсарева 1975: 39]. «Выделение предикативных знаков не представляется убедительным, так как отличительным свойством человеческого языка является разобщение номинативного и предикативного аспектов» [там же: 40]. «Синтаксический уровень – это уровень структур, а не знаков. Его единицы представляют собой лишь соединения знаков, они создаются из потребности в общении и не существуют, подобно слову, в инвентаре членов системы...» [Слюсарева 1967: 67].

Известно, что единственным организующим принципом сигнальных систем животных и многих искусственных знаковых систем является отбор элементов, тогда как организующими принципами языка является отбор и сочетание (комбинирование) знаков [см.: Булыгина 1967: 6; Жинкин 1972: 12; Солнцев 1977: 267]. Способность языка к комбинированию знаков и порождению

бесконечно разнообразных сообщений и текстов и делает язык могучим орудием мышления.

Если те или иные составные части языка обладают признаком воспроизводимости, то они могут быть пересчитаны. Таковы фонемы, морфемы и слова (а также фразеологизмы). Что касается фраз, то они не могут быть пересчитаны: это не воспроизводимые единицы, а производимые комбинации единиц. «Число предложений бесконечно» [Бенвенист 1974: 139].

Итак, мы приходим к выводу, что знаком языка в строгом смысле этого термина является слово (и эквивалентный ему фразеологизм). Фонема – это элемент, морфема – элемент (или субзнак), предложение (высказывание) – свободная и временная комбинация знаков, выполняющая коммуникативную функцию. Что же касается синтаксического словосочетания, то это, конечно, не знак языка, а фрагмент высказывания, группа непосредственно связанных полнозначных слов, которые могут быть извлечены из высказывания с целью изучения сочетательного потенциала слов.

Невозможно согласиться с классификацией знаков, предлагаемой А.А. Уфимцевой.

Нельзя делить знаки на знаки «первичного» и «вторичного означивания». К последним А.А. Уфимцева относит высказывания. Но они, как мы уже показали, и не знаки, и не языковые. К знакам «первичного означивания» А.А. Уфимцева относит слова и лексические морфемы. Слова – это, конечно, знаки, морфемы – нет.

«По законченности / незаконченности процесса порождения законченных высказываний З.я. могут быть полными (предложения – высказывания) и неполными (слова, словосочетания)», утверждает – А.А. Уфимцева [ЛЭС: 167]. Но знаки языка не могут классифицироваться «по законченности / незаконченности процесса порождения законченных высказываний». Во-первых, «законченные высказывания» всегда законченные и не могут быть незаконченными.

Во-вторых, высказывания – это не знаки, а комбинации знаков, возникающие в речи, в процессе непосредственной коммуникации. В-третьих, подлинные знаки языка (слова и фразеологические обороты) не могут характеризоваться с точки зрения «законченности / незаконченности процесса порождения (законченных высказываний)». Слова (и фразеологизмы) не делятся на законченные и незаконченные. Они являются стационарными единицами языка и постоянно присутствуют в нём.

«По соотнесённости / несоотнесённости с актом речи, – продолжает А.А. Уфимцева, – З.я. (слова, предложения) могут носить виртуальный (потенциальный) и актуальный характер. Напр., у словесных знаков имеется 3 ступени актуализации их семантики: а) слово-лексема...; б) сочетание слов (словосочетание)...; в) словоупотребление...» [ЛЭС: 167].

Во-первых, здесь А.А. Уфимцева к знакам языка относит только слова и предложения, но не относит фонемы, морфемы и словосочетания. Надо думать, потому, что найти у них «3 ступени актуализации семантики» невозможно. Так же как, впрочем, и у предложения - высказывания (которое всегда связано с актом речи, всегда актуально).

Добавим, что «сочетание слов (словосочетание)» никак нельзя называть «относительно семантически расчленённым знаком», а «словоупотребление – абсолютно актуализированным словесным знаком»! В одном логическом ряду у А.А. Уфимцевой оказываются «слово-лексема», «сочетание слов» и «словоупотребление».

Четвёртая классификация (знаки характеризующие, идентифицирующие, квантитативные, дейктические, связочные и заместительные) тоже распространяются лишь на словесные знаки (подтверждая наше утверждение, что знаком языка в строгом смысле этого термина является только и именно слово, а также эквивалентный ему фразеологизм).

Как видим, теория знаков в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» искажает реальное положение вещей и должна быть сдана в архив.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ахманова, О.С.** Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М., 1966. – 607с.

2. **Бенвенист, Э.** Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М., 1974. – 447с.

3. **Булыгина, Т.В.** Особенности структурной организации языка как знаковой системы и методы её исследования / Т.В. Булыгина // Материалы к конф. «Язык как знаковая система особого рода». – М., 1967. – С. 5 – 9.

4. **Дмитриева, Н.С.** К вопросу о природе словосочетания как синтаксической единицы языка / Н.С. Дмитриева // Вопр. соврем. рус. литерат. языка и методики преподавания его в школе. – Свердловск, 1963. – С. 68 – 83.

5. **Жинкин, Н.И.** Интеллект, язык и речь / Н.И. Жинкин // Нарушение речи у дошкольников. – М., 1972. – С. 9 – 31.

6. **Климов, Г.А.** Фонема и морфема: К проблеме лингв. единиц / Г.А. Климов. – М., 1967. – 128с.

7. **Левковская, К.А.** Теория слова, принципы её построения и аспекты изучения лексического материала / К.А. Левковская – М., 1962. – 296с.

8. **Лингвистический энциклопедический словарь.** – М., 1990. – 685с.

9. **Медникова, Э.М.** Значение слова и методы его описания / Э.М. Медникова. – М., 1974. – 202с.

10. **Медникова, Э.М.** Разграничение понятий «свободное сочетание», «фразеологическая единица», «аналитическая единица» / Э.М. Медникова // Проблемы аналитизма в лексике. – М., 1967. – Вып. 1. – С. 92 – 100.

11. **Панфилов, В.З.** Взаимоотношение языка и мышления / В.З. Панфилов. – М., 1971. – 232с.
12. **Резников, Л.О.** Понятие и слово / Л.О. Резников. – Изд-во ЛГУ, 1958. – 124с.
13. **Русский язык:** Энциклопедия. – М., 1979. – 432с.
14. **Слюсарева, Н.А.** Теория ценности единиц языка и проблема смысла / Н.А. Слюсарева // Материалы к конф. «Язык как знаковая система особого рода». – М, 1967. – С. 64 – 69.
15. **Смирницкий, А.И.** Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий. – М., 1956. – 260с.
16. **Смирницкий, А.И.** Объективность существования языка / А.И. Смирницкий. – Изд – во МГУ, 1954. – 33с.
17. **Солнцев, В.М.** Язык как системно – структурное образование / В.М. Солнцев. – 2-е изд. – М., 1977. – 341с.
18. **Фоменко, Ю.В.** К вопросу о единице языка / Ю.В. Фоменко // Изв. СО АН СССР. – 1979. – № 11. – Сер. обществ. наук. – Вып. 3. – С. 119 – 125.
19. **Фоменко, Ю.В.** Является ли предложение номинативным знаком языка? / Ю.В. Фоменко // Деривация и номинация в русском языке: Межуров. и внутриуров. взаимодействие: межвуз. тем. сб. науч. тр. – Омск, 1991. – С. 86 – 99.
20. **Фоменко, Ю.В.** Язык и речь: учеб. пособие / Ю.В. Фоменко. – Новосибирск, 1992. – 77с.